

Покатая глина

На ремне, свисающем с рукава пуховика, по которому бежит импортная надпись Force sports, посверкивает перламутровыми колокольчиками и ромашками деревянный ящичек тальянки. Вот разошлись пёстрые, как самотканый половичок, гармошечные меха, и как же весело по нетоптаному снегу деревенскому проскрипеть самокатанными валенками под заливчатую «Подорожную»! На ферме работа тяжёлая, и дома по хозяйству хлопот не оберёшься, но и у печи или у корыта со стиркой ноги сами собой начинают выбивать плясовые топотушечки, характерные пермяцкие «та-пи-тап». Неунывающее племя. Ни возможный дефолт, ни обрушение доллара или падение цен на нефть коми-пермяков не страшат. Напасти 1990-х годов пережили, «боле-то такого уж, наверно, не случится».

— Наш народ очень терпеливый. Если сейчас чего-то нету, значит, будет потом. Нету потом, значит... Подождём дальше.

Если подбирать лироэпический образ для земель, с давних пор, с тринадцатого века обжитых коми-пермяками, то им может стать сосенка, выросшая на обочине просёлка и осыпавшая вокруг себя шишками глинистый песок. А может, вид из окна ветхой избы в деревне Старое Шляпино — изба стоит над обрывом,

Непуганая курица

под которым до неровного горизонта распростёрся бесконечный лес, прорезанный путаными блужданиями речки Велвы, туманное пространство, слившееся серо-зелёные комки тайги с белесо-голубым пустынным небом. Хотя старики, покрепче утвердившись на оползающей темно-красной глине, водят в воздухе перстом: вот здесь были колхозные поля, а там, за перелеском, стояла деревня со странным названием Велозавод.

Ещё характерная особенность края: непуганая дворовая живность, просто

вот никакого страха не имеют козочки, котики и коровки. Едем по деревне, местный житель на переднем сиденье вдруг орёт: «Стой! Жучка под колёса кинулась». — «Так ведь у неё инстинкт самосохранения, отскочит», — флегматично отвечает водитель. — «Не отскочит!» — жалобно вскрикивает местный, привставая и пытаясь заглянуть поверх капота. Пришлось садануть по тормозам. Но тут же стало не до судьбы безрассудной Жучки. Завидев остановившийся лендровер, от ближайшего забора отклеилась свинья и, струясь грязью, потрусила по направлению к остановившейся машине. Исчезла в «мёртвой зоне» перед бампером, а потом внедорожник потряс таранный удар.

Уж на что курицы пугливые создания, но только не пермяцкие. Зайдёшь на двор, а они, вместо того чтобы кинуться врассыпную, с назойливым любопытством окружают незнакомца, а если достанешь фотоаппарат, то буквально лезут в кадр, отталкивая друга и выбирая наилучшие позы для фотосессии.

И непуганая живность в пермяцких деревнях, и сам мирный и неторопливый образ жизни этого лесного народа демонстрируют нетронутость изначальных природных установлений, в гармонии с которыми жили и живут пермяки. Время здесь заторможено и закольцовано, в один и тот же момент совершаются древние языческие ритуалы — и обмен цифровыми снимками этих обрядов в социальных сетях, а рингтоны мобильных у молодёжи воспроизводят песенный фольклор.

По чащобам и всеям коми-пермяков буграми ходит глина, изредка застывая неровными плоскостями, пригодными для пшеничного поля, кладбища или райцентра. В этой глине и мелкой галечки не сыщешь, поэтому, когда обнаружится крупный камень, он оказывается священным. Как, например, «громовой» камень с природной дыркой — «чариз», что придаёт колдовскую силу воде, пролившейся сквозь него. Водой этой, что в результате древнего обряда сделалась целебной, на городище Курегкар умываются школьники, а льёт её из берестяной корчаги завуч сельской девятилетки.

Вид из деревни Старое Шляпино